

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРѢ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полную подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ

Годовая цѣна—5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара считаются бесплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ если присланы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

ОТДѢЛЪ I.

Епархiальныя распоряженія и извѣстія.

Преподано Святѣйшимъ Синодомъ благословеніе съ выдачею грамоты діакону Люблинской Спасо-Преображенской церкви Михаилу *Голотъ* за отлично усердные безмездные труды по преподаванію Закона Божія нижнимъ чинамъ 18 артиллерійской бригады.

Уволенъ приказомъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 7 ноября 1905 года, отъ службы, согласно прошенію, учитель Холмскаго духовнаго училища *Калишевичъ*—съ 15 сентября.

Награжденъ Его Преосвященствомъ, Преосвященнымъ Евлогіемъ, епископомъ Холмскимъ и Люблинскимъ, отъ 6 ноября сего года, скуфьею законоучитель Плодкой мужской гимназіи священникъ Іоаннъ *Марушнякъ*—во вниманіе къ отлично-усердной службѣ его по Министерству народнаго просвѣщенія,

Ваканты мѣста — настоятелей при церквахъ: Праснышской, Плодкой губерніи, Кибартской, Сувалкской губ. и Витулинской, Константиновскаго уѣзда, помощника настоятеля при Сѣдлецкомъ соборѣ, діакона при Грубешовской Св. Николаевской церкви; псаломщиковъ при церквахъ: Покровской единовѣрческой, Августовской, Сувалкской губерніи, Жулицкой, Томашовскаго уѣзда, и при Холмскомъ кафедральномъ соборѣ.

Отъ Канцеляріи Архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго.

Въ пользу нуждающагося населенія мѣстностей Россіи, пострадавшихъ отъ неурожая, поступило: отъ Варшавскаго кафедр. собора — церковнаго сбора 16 октября за литургією 125 р. 4 к., Маріинской церкви на Прагѣ—церковнаго сбора того-же числа 26 р. 45 к., Вольской кладбищенской церкви изъ суммъ сей церкви 100 р., Конторы „Варшавскаго Дневника” 140 р. 22 к., Варшавскаго кафедр. собора: церковнаго сбора 20 ноября 59 р. 50 к. — и по подписанному листу съ 16 октября по 20 ноября 104 р. 35 к., всего 163 р. 85 к. Итого 555 р. 56 к.

ОТДѢЛЪ II.

Къ вопросу объ оживленіи Церковной жизни въ приходахъ Привислинскаго края въ связи съ идеей о возрожденіи прихода по проекту А. Папкова.

(Окончаніе)*

Церковное учительство.

Церковное учительство, какъ средство религіозно-нравственнаго воздѣйствія и общенія священника съ прихожанами должно проникать всю пастырскую дѣятельность, по слову апостола: проповѣдуй

*) См. № 39, 40, 41, 43, 44, 45 и 46.

слово благовременно и безвременно (2 Тим., 4), но главнымъ образомъ оно сосредоточивается въ храмѣ и школѣ.

Самое высокое и дѣйственное учительство пастыря выражается въ проповѣди. Мѣсто — храмъ, важнѣйшая служба церковная, — все это способно придать проповѣди особенно высокій характеръ учительства. Въ нашей мѣстной церкви проповѣдь получила довольно высокое развитіе, и именно характеръ проповѣди народной, — но не вездѣ еще считается необходимой частью богослуженія. „Слѣдуя примѣру древней христіанской церкви, наблюдая ощутительные результаты проповѣдничества въ церквахъ инославныхъ, необходимо проповѣдь сдѣлать обязательнымъ элементомъ нашего богослуженія, особенно теперь, когда свобода религіозной совѣсти создаетъ для нашего православія большую опасность“¹⁾. Но проповѣдь должна быть не книжная, не читаемая по тетрадкѣ, а живая, устная, — хотя-бы она была только перифразомъ чтенія Евангельскаго или Апостольскаго, но перифразомъ одушевленнымъ и живымъ.

Воскресныя бесѣды и виѣбогослужебныя собесѣдованія.

Необходимость болѣе частаго учительнаго пастырскаго вліянія создала во многихъ приходяхъ воскресныя бесѣды или виѣбогослужебныя собесѣдованія. Если совершаются онѣ въ храмѣ, послѣ воскресной вечерни, тогда получаютъ характеръ бесѣды пастыря на религіозно-нравственныя темы; но чаще всего происходятъ въ школьномъ зданіи, тогда онѣ получаютъ болѣе разнообразный характеръ, такъ какъ ведутся нерѣдко при участіи учителя и псаломщика, разнообразятся пѣніемъ и чтеніемъ. Въ этомъ послѣднемъ видѣ бесѣды особенно нравятся народу, и надлежащее благоустройство ихъ могло-бы имѣть значительное вліяніе въ религіозно-нравственномъ и даже національномъ развитіи народа.

Воскресныя бесѣды въ храмѣ, какъ по мѣсту своему и по привычкѣ христіанина въ храмѣ молиться, — могутъ быть только чисто церковнаго характера; не могутъ быть продолжительны, такъ какъ соединяются съ какой-либо службой церковной, не позволяютъ дѣлать перерывовъ, вообще теряютъ характеръ собесѣдованія съ обмѣномъ мыслей, почему священникъ можетъ пользоваться ими для духовнаго наставленія для чтенія Слова Божія, для изложенія житій святыхъ, для объясненія богослужебныхъ молитвъ и дѣйствій наконецъ для прочтенія повседневныхъ молитвъ (способъ, благодаря которому молитвы знаютъ въ приходяхъ даже неграмотные: и дѣти и взрослые)

Но когда бесѣды происходятъ не въ храмѣ, напр., въ школьномъ зданіи, народномъ домѣ, чайной, то нѣтъ основаній придавать имъ строго церковный характеръ. Сохраняя общій нравственно назидательный характеръ, виѣбогослужебныя бесѣды должны быть жизненны. Пишу по образцу, которому мы слѣдовали. Бесѣды начинались общимъ пѣніемъ молитвы св. Духу или тропаря, если это былъ каунъ праздника или день праздника. Затѣмъ священникъ излагаетъ или исторію праздника или житіе святого, смотря по времени, или предлагаетъ чтеніе церк.-историческое, или выдающуюся страницу гражд. отечественной исторіи, нерѣдко иллюстрируя болѣе выдающіяся чтенія церковныя и историческія посредствомъ волшебнаго фонаря. Чтобы не утомить слушателей, чтеніе прерывается пѣснопѣніями и не только церковнаго характера и патріотическаго, а иногда пѣнями бытовыми народными. Обыкновенно общее пѣніе оживляетъ собраніе. Нерѣдко предлагаются для чтенія рассказы — бытоваго характера особенно изъ крестьянскаго быта, всегда охотно выслушиваемые, — даже сказочно-комическаго, напр. Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ, Конекъ-Горбунекъ, получавшіе особый интересъ при волшебномъ фонарѣ. Этими-же собраніями священникъ удобно пользуется для бесѣды съ прихожанами о выдающихся событіяхъ времени, которыя передаются крестьянамъ чаще всего въ извращенномъ видѣ, почему требуютъ правильнаго освѣщенія со стороны священника. Я думаю, что въ настоящее время этотъ отдѣлъ чтеній требуетъ отъ священника особеннаго вниманія, въ виду малограмотности и потому малой освѣдомленности нашихъ простолудиновъ. Здѣсь-же священникъ говоритъ о разныхъ событіяхъ въ приходѣ, о которыхъ не всегда удобно говорить съ церковной кафедрой.

Нѣкоторые, считаю — неосновательно, придаютъ этимъ бесѣдамъ — внѣ храма — чисто церковный характеръ, не допуская ни чтенія, ни пѣнія „свѣтскаго“. Помнится, были даже циркуляры изъ дирекціи, рекомендовавшіе пѣть на вечернихъ собраніяхъ только церковныя пѣсни, или изъ богогласника¹⁾. Этимъ, какъ будто школа и церковь исключали все мірское и житейское, оставляя безъ своего вліянія. Между тѣмъ въ настоящее время, когда польскій католицизмъ готовъ разорить не только православіе, но и русскую душу, необходимо пом-

¹⁾ Впрочемъ начальникъ дирекціи на мое недоумѣніе по поводу циркуляра лично отвѣтилъ мнѣ въ такомъ смыслѣ: дѣлайте, батюшка, такъ, какъ велитъ вамъ разумъ и совѣсть. Намъ предписано, мы вамъ послали циркуляръ. — Но учителя и псаломщика этотъ циркуляръ сильно смутилъ. Пришлось успокоивать ихъ тѣмъ, что всю отвѣтственность я беру на себя.

¹⁾ Церк. Вѣст. 1905 г. № 30 „О проповѣдничествѣ“.

нить о свойствахъ и потребностяхъ народнаго духа, для котораго пѣсня есть хранилище его завѣтныхъ думъ и чувствъ:

О, пѣснь народная! ты стражъ
У алтаря преданій, нашъ
Крылатый ангель судный...

Огнемъ писанье истребится
Казну злой хищникъ разнесетъ
Но пѣсня... пѣсня сохранится,
Уйдетъ, и мѣръ весь обойдетъ...¹⁾

Благодаря доброму усердію псаломщика, умѣвшаго создать и общее церковное пѣніе, удалось намъ въ приходѣ на вечернихъ бесѣдахъ привить молодежи и русскую народную пѣсню, которая значительно вытѣснила польскую, употреблявшуюся раньше и на свадьбахъ и въ забавахъ молодежи. Замѣчательно, пѣсни эти, вѣроятно всегo черезъ прислугу, проникли и въ сосѣдніе приходы. И какъ охотно особенно молодежь стремилась усвоить что нибудь новое. Чаще всего собесѣдованія у насъ происходили по субботамъ, послѣ всенощнаго бдѣнія или въ воскресный день послѣ вечерни. Народъ въ большомъ количествѣ направлялся изъ церкви въ школу. И хотя бесѣды затягивались до 10 ч. веч. (въ зимнее время), молодежь оставалась, съ моего разрѣшенія, въ школѣ и разучивала съ псаломщикомъ новыя пѣсни. Вообще, вниманіе прихожанъ къ вечернимъ бесѣдамъ было полное, конечно, больше всего онѣ привлекали молодое поколѣніе. Труднѣе собесѣдованія устроятся въ лѣтнее время, влѣдствіе условій хозяйственной жизни крестьянъ. Въ виду большого значенія собесѣдованій, желательно было-бы сдѣлать ихъ обязательными въ приходѣ, конечно при участіи псаломщика и учителя. Весьма полезно было-бы, если-бы каждый священникъ выработалъ — опредѣленную программу для чтеній, соблюдая извѣстную систему, чтобы рядомъ періодическихъ чтеній, будутъ-ли онѣ чисто церковнаго характера, или историческаго и даже бытоваго, исподволь создавалось извѣстное направленіе, міросозерпаніе слушателя, чего недостигается при случайномъ, отрывочномъ содержаніи бесѣдъ. Конечно это можетъ касаться только одной части чтеній, которая заблаговременно можетъ быть распределена по извѣстному плану; другая часть программы чтенія вырабатывается событіями, текущею жизнею прихода. Библиотека школьная и приходская должны имѣть особый отдѣлъ книгъ и народныхъ изданій для чтеній.

Значеніе школы для пастырскаго дѣла.

Если для взрослыхъ учительство пастыря выра-

жается главнымъ образомъ въ проповѣди и собесѣдованіяхъ, то для дѣтей проводникомъ пастырскаго воздѣйствія больше всего является школа. Дѣтскія сердца своею воспримчивостью и неиспорченностью чутки ко всему святому. Разказы изъ свящ. исторіи—любимое чтеніе дѣтей. Атмосфера церк. богослуженія ласкаетъ и влечетъ къ себѣ дѣтей.

Крестьянская семья мало внимательна къ религиозному воспитанію ребенка, но начальная школа при усердіи пастыря и его руководствѣ можетъ много сдѣлать, чтобы, религиозно просвѣтивъ, положить доброе начало церковной жизни дѣтей. Школьнымъ путемъ пастырю легче всего внушить начала церковной дисциплины и приучить дѣтей проводить ихъ въ жизнь. Школа истинная союзница церкви, помощница въ проведеніи религиозно-нравственнаго элемента въ жизнь прихода, равно священникъ долженъ быть другомъ школы и соработникомъ на школьной нивѣ. Придавая особенное значеніе школѣ въ дѣлѣ религиозно-нравственнаго воспитанія дѣтей, Папковъ, какъ выше видѣли, рекомендуетъ устройство всесословной церк. школы для дѣтей, въ цѣляхъ первоначальнаго обученія Закону Божію и правиламъ церковной дисциплины.

Лѣтнія дѣтскія собранія.

По условіямъ хозяйственной жизни крестьянина, въ году есть значительный періодъ времени, когда дѣти школьнаго возраста, не посѣщая школы, остаются внѣ вліянія Пастыря и Церкви. Это преимущественно лѣтнее время: цѣлые мѣсяцы дѣти не бываютъ въ храмъ, не слышатъ пастырскаго слова, никто не наблюдаетъ за ними, они предоставлены себѣ, и часто дѣти въ такой обстановкѣ грубѣютъ, отвыкаютъ отъ храма, разучиваются молитвамъ, поддаются недоброму вліянію одного—двухъ испорченныхъ дѣтей. Благотворнымъ средствомъ для церковнаго вліянія на дѣтскія души въ эту страдную пору крестьянской жизни могли-бы, служить организованныя при содѣйствіи родителей воскресныя лѣтнія дѣтскія собранія хотя-бы въ школѣ; здѣсь дѣти могли-бы и помолиться (молебень, акафистъ), получить наставленіе, разобрать тѣ многіе случаи дѣтской пастушеской жизни, послушать доброе чтеніе учителя, получить книгу, словомъ такія собранія соединяли-бы дѣтей со школой и не отрывали-бы ихъ отъ вліянія церкви. Этотъ вопросъ о духовно-нравственномъ призрѣніи дѣтей въ лѣтнее время по своей значимости стоитъ того, чтобы подумать надъ его рѣшеніемъ.

Духовное руководство.

Какъ провозвѣстникъ и проводникъ религиозно-нравственныхъ началъ въ жизнь приходской общины, священникъ зорко долженъ слѣдить, насколько

¹⁾ Мицкевичъ. Конрадъ Валенродъ. Изъ пѣсни Вайделота.

онѣ входятъ въ жизнь прихожанъ, достаточные ли даютъ плоды, не встрѣчаютъ-ли препятствій.

Это обязанность духовнаго руководства.

У пастыря есть особенное средство и знать душу—войти съ ней въ самое близкое общеніе, и воздѣйствовать на нее, — это таинство покаянія. Здѣсь священникъ является зрителемъ тайниковъ человѣческой души, здѣсь открываются всѣ раны души „скорбящей, озлобленной, милости Божіей и помощи требующей”, — открываются какъ передъ врачомъ, отъ котораго ждутъ исцѣленія.

Какая возможность узнать состояніе, настроеніе души и благотворно воздѣйствовать, но для этого нужно относиться къ дѣлу исповѣди не съ сухой формальностью и торопливой поспѣшностью, а съ теплымъ участіемъ къ состоянію кающагося. И мы знаемъ, какое это великое средство нравственной силы и воздѣйствія у истинныхъ подвижниковъ — духовниковъ¹⁾. Между тѣмъ и это средство для пастырскаго воздѣйствія потеряло въ настоящее время въ значительной степени свою нравственную силу, свелось нерѣдко на одну форму, скорѣе требуемую житейскими обстоятельствами, привычкой, чѣмъ покаянными велѣніями души. Причинъ тому много: общій упадокъ церковной жизни, ослабленіе перк. дисциплины, извращеніе нравственныхъ понятій, недостаточная твердость взглядовъ самихъ пастырей на установленія церковныя, но съ другой стороны, виной тому бываетъ нерѣдко самая обстановка, при которой совершается таинство исповѣди. Престолюдины часто не понимаютъ существа исповѣди; приходятъ къ духовнику гнѣвные, и со злобой длинно повѣствуютъ исторію своихъ житейскихъ столкновеній, или, наоборотъ, ничего не говорятъ, безъ подробнаго опроса священника, — получается какой-то допросъ, а не изліяніе скорбящей, кающейся души.

Многіе изъ интеллигентовъ такъ ведутъ себя на исповѣди, что сразу видно, зачѣмъ имъ исповѣдь, — для отмигки въ вѣдомости, а не для души. Не раскрывая своихъ душевныхъ немощей по невѣрію или по гордости, они еще обнаруживаютъ нетерпѣніе на исповѣди, если священникъ вопросами хочетъ вызвать на покаяніе. Въ приходахъ дѣло исповѣди много теряетъ отъ того, что одновременно собирается много „исповѣдниковъ”, торопятся всѣ, спѣшить и священникъ. Церковнаго подготовленія или говѣнія почти никакого.

Примѣшивается въ нѣкоторыхъ приходахъ вредный обычай—при исповѣди взыскивать денежные налоги въ пользу церкви, или въ интересахъ церкви заставляютъ покупать церковную свѣчу, безъ кото-

рой священникъ не поисповѣдуетъ. Такія обязательства лишаютъ нѣкоторыхъ исповѣди, и вообще придаютъ ей характеръ дѣла тягостнаго и меркантильнаго. Невсегда серьезный взглядъ на исповѣдь привелъ къ полному уничтоженію эпитиміи. Разрѣшеніе дается легко и поспѣшно, неразбираясь въ характеръ грѣховности человѣка. Нѣтъ въ этомъ отношеніи руководящихъ указаній для кающагося и духовникъ предоставленъ самому себѣ, своей собственной практикѣ. Зависимость священника въ дѣлѣ исповѣди отъ житейскихъ обстоятельствъ, взглядъ на кающагося, какъ человѣка извѣстнаго ранга, постоянный страхъ отъ признанія отвѣтственности передъ высшей властью, такъ связываютъ священника и лишаютъ его того высокаго значенія посредника между Богомъ и кающейся душой, что онъ чувствуетъ себя рабомъ своего дѣла и, незадумываясь, легко даетъ разрѣшеніе. Святость великаго дѣла, отвѣтственность передъ Незримымъ Судьей требуетъ возстановить значеніе таинства покаянія священнику—не зрѣть на лица, а войти въ роль дѣйствительнаго духовнаго отца, и карающаго и милующаго по заслугамъ, а не по лицеизрѣнію.

Въ настоящее время при свободѣ религіозной совѣсти, когда изъ ограды церковной невозбранно могутъ уйти всѣ мнимо православные, остающіеся вѣрными должны признать требованія церковной дисциплины, которыя церковь узаконила и узаконить для своихъ чадъ.

Это тройное служеніе священника, какъ священнослужителя, учителя и духовнаго руководителя, составляетъ существо того истиннаго пастырства въ приходѣ, которое, чѣмъ выше, тѣмъ тѣснѣе соединяетъ пастыря съ приходомъ. Приходъ, какъ-бы онъ ни былъ неустроенъ и разрозненъ, скоро почувствуетъ ту пастырскую силу, которая обращается на него. И чѣмъ больше въ этой силѣ будетъ безкорыстія, теплоты и свѣта, тѣмъ скорѣе приходъ довѣрится пастырю, откроетъ ему потемки своей души, потѣснится къ пастырю, какъ къ источнику тепла и свѣта, —окружить его ореоломъ такого довѣрія и авторитета, какого не можетъ имѣть никакая власть земная. И если священнику прійдется вести борьбу съ темными силами прихода, а такія всегда найдутся, онъ неостанется одинокимъ, онъ всегда найдетъ опору въ самомъ приходѣ.

При установившемся въ приходѣ христіанскомъ взаимообщеніи, взаимномъ довѣріи и высокомъ авторитетѣ пастыря, реформа приходскаго строя, въ смыслѣ предоставленія общинѣ права участія во всѣхъ дѣлахъ прихода, станетъ возможной и желательной для возбужденія церковной жизни.

Братства.

Нѣкоторые изслѣдователи приходскаго вопроса указываютъ на братства, какъ на учрежденія, по-

¹⁾ Ксеенды исповѣдью главнымъ обр. поддерживаютъ церковную дисциплину и обаяніе своей духовной власти.

средствомъ которыхъ можно обновить приходъ, если перенести на нихъ тѣ юридическія права прихода, которыя присущи ему, но которыми фактически онъ не пользуется¹⁾.

Дѣйствительно, приходскія братства представляютъ собою кружокъ лучшихъ людей въ приходѣ, болѣе преданныхъ церкви и потому болѣе близкихъ пастырю. Они несомнѣнно ядро прихода, — на нихъ священникъ всегда можетъ опереться, найти поддержку во всѣхъ своихъ приходскихъ мѣропріятіяхъ. — Но Братству вручить управление приходомъ, всю функцію приходскаго управления и Совѣта это значитъ лишить братство его отдѣльнаго существованія, сливъ его цѣли и задачи съ общою приходскою жизнію. Едва-ли въ интересахъ церковной жизни уничтожать такія учрежденія, какъ братства, попечительства, общества трезвости, хотя-бы онѣ и не находились на высотѣ своего назначенія. Братства уже въ силу своей исторической заслуги имѣютъ право на отдѣльное существованіе. Къ нимъ привыкъ народъ, вложилъ въ нихъ свой благочестивый обычай. Не сливать ихъ, не растворять въ общихъ интересахъ прихода а слѣдуетъ стараться сдѣлать ихъ болѣе плодотворными, хотя-бы ограничивъ ихъ задачу — одной благотворительностію.

Задачи приходскихъ братствъ, нѣкогда спасавшихъ вѣру и народность, въ настоящее время сводятся къ покупкѣ воска для свѣчъ, съ которыми братчики стоятъ во время службъ и въ лучшемъ случаѣ, если есть средства, — къ благоуукрашенію храма²⁾. Братство, даже при значительныхъ для деревни, средствахъ (въ Дратовскомъ, напр. приходѣ братскія суммы доходили до 500—600 руб.) не задавались благотворительными цѣлями, если не считать небольшихъ ссудъ крестьянамъ, отъ 10 до 50 руб. Дѣятельность приходскихъ братствъ нѣсколько оживилась, когда Холмское братство въ 1900 году вошло въ живую связь съ приходскими братствами, разославъ послѣднимъ къ празднику Рождества Христова по 5 р. для раздачи бѣднымъ. Братчики такъ далеки были отъ благотворительной цѣли братства, что затруднялись распредѣленіемъ присланныхъ 5 р., не по недостатку бѣдныхъ, а потому, что, по ихъ расчету, всѣ бѣдные въ приходѣ сами виноваты въ своей бѣдности, и, потому, якобы не заслуживаютъ на помощь. Но добрая мысль Холм-

скаго братства — благотворить бѣднымъ къ празднику изъ братскихъ суммъ — привилась и тому братству, о которомъ я пишу. Установился съ того времени обычай (думаю, что онъ поддерживается) передъ праздникомъ Рожд. Христова и Пасхи дѣлать въ храмѣ сборъ въ пользу бѣдныхъ прихода отъ имени братства и кромѣ того удѣлять на эту-же цѣль нѣсколько рублей изъ братскихъ суммъ.

Вообще благотвореніе въ разныхъ видахъ напр. въ видѣ помощи бѣднымъ ученикамъ, которые за неимѣніемъ обуви и теплой одежды иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не посѣщаютъ школы, — вотъ главная цѣль приходскаго братства. Ради одной этой цѣли братство должно существовать въ приходѣ для блага-же прихода. Оно своимъ благотвореніемъ способно привлечь къ участию даже инновѣрцевъ, которые могутъ состоять членами братства и служить его цѣлямъ.

Церковная дисциплина, въ цѣляхъ поднятія, нравственнаго значенія братствъ, могла-бы предъявить къ членамъ его болѣе строгія, чѣмъ теперь, требованія, исключая и не принимая прихожанъ, извѣстныхъ своею порочностію, а только благочестивыхъ и нравственной жизни. Это — былъ-бы своего рода братскій орденъ, члены котораго отличались-бы болѣе совершенной жизнію и милосердіемъ.

Весьма полезно было-бы установить связь ближайшихъ по мѣсту братствъ. Находясь между собою въ добромъ общеніи, такой союзъ братствъ въ исключительно трудныхъ случаяхъ крестьянской жизни, напр. пожаръ, градобітіе и др. могъ-бы успѣшнѣе проявить свою благотворительную помощь.

Но не принимая на себя задачи всего приходскаго управления, оставаясь только благотворительными учрежденіями въ приходѣ, братства много помогутъ обновленію прихода. Онѣ представлятъ для дѣятелей приходской реформы тотъ опорный пунктъ съ котораго послѣдніе будутъ вводить въ сознаніе начала новаго порядка.

Въ частности — члены Братства и будутъ первыми дѣятелями обновленнаго прихода. Чѣмъ братство жизнѣдѣятельнѣе, чѣмъ оно многочисленнѣе, тѣмъ успѣшнѣе и плодотворнѣе будетъ дѣятельность приходскаго собранія и Совѣта, какъ новыхъ учреждений въ приходѣ.

Братство руководится началомъ выбора (старшихъ братчиковъ), имѣетъ свою кассу, свободно распоряжается ею — не только для нуждъ строго церковныхъ, — т. е. въ дѣятельности братства мы видимъ почти всѣ признаки самоуправленія внутренняго, которое должно стать существомъ новаго приходскаго строя. Вотъ почему, изъ сопоставленія съ братствомъ, не видится опасности, что автономія прихода приведетъ къ нежелательнымъ послѣд-

1) Миссіонер. обзор. 1905 г. № 3. „Какъ возможно обновить ц.-прих. строй“ свящ. С. Потѣхина. Здѣсь же приведенъ проектъ ц.-приходскаго братства, которому усвоены функціи прих. управления и совѣта (примѣненъ уставъ Павлова).

2) Каждый вступающій въ члены братства вноситъ 30 к. ежегодно (въ другихъ приход. — 15 коп.). Кромѣ того доходъ получался за братскія свѣчи при погребеніяхъ, или заказныхъ службахъ. Въ воскресные и праздничные дни наравнѣ съ церковной обносились старшимъ братчикомъ и братская кружка.

ствіямъ униженію авторитета священника, злоупотребленію церковными суммами, вредному вліянію на дѣла прихода людей порочныхъ.

Опасенія тѣмъ болѣе неосновательны, что добродорядочность приходскаго собранія и совѣта необходимо будетъ гарантирована извѣстнымъ приходскимъ цензомъ: въ управленіи приходомъ пусть участвуютъ только прихожане честные и преданные интересамъ церкви. Нравственная неблагонадежность, проявленная членомъ Совѣта, будетъ всегда основаніемъ къ исключенію такого члена.

Событія послѣдняго времени въ отношеніи къ приходскому вопросу.

Настоящія обстоятельства общественно-государственной жизни (Манифесты 6 авг. и 17 октября) готовятъ сознаніе народное къ тому, къ чему не можетъ нестремиться и церковь, чтобы приблизить къ себѣ членовъ своихъ войти съ ними въ общее дѣланіе не на прежнихъ правахъ господства однихъ и безправія другихъ, а на правахъ равныхъ членовъ, стремящихся къ правдѣ Божіей, спасенію своему и своихъ ближнихъ.

Событія идутъ быстрымъ чередомъ. — О чемъ вчера еще не думали, уже на яву. Безпечность и бездѣйствіе на своемъ посту, особенно въ настоящее время, намъ—пастырямъ не простятся.

Русскіе люди, во главѣ съ Царемъ идутъ впередъ, стремятся къ свѣту и счастью,—пусть они не идутъ безъ насъ,—пойдемъ съ ними и будемъ имъ освѣщать путь свѣтомъ Христовымъ, свѣтомъ Евангелія, Которое, указывая путь вѣчный, благословляетъ и счастье земное.

О, если-бы намъ не заснуть теперь, а успѣть зажить свои пастырскіе свѣтильники, чтобы войти вмѣстѣ со своимъ народомъ въ чертогъ брачнаго церковнонароднаго пира.

Заключеніе и итогъ.

Итакъ, резюмируя все послѣднее относительно проектированнаго Папковымъ внутренняго приходскаго строя, въ смыслѣ предоставленія приходу самостоятельности въ внутреннихъ дѣлахъ его, съ участіемъ прихожанъ черезъ приходское Собраніе и Совѣтъ,—мы видѣли, что эта намѣчаемая приходская реформа, будучи сама по себѣ канонической, соответствуетъ взглядамъ на этотъ предметъ высшей духовной власти, что плодотворное проведеніе приходской реформы въ указанномъ смыслѣ тѣсно связано съ возвышеніемъ нравственнаго авторитета священника и усиленіемъ пастырской дѣятельности, что въ свою очередь ставитъ вопросъ о возвышеніи общественнаго значенія священника и перевоспитаніи духовенства.

Заглядывая въ будущее обновленнаго прихода, жизнь его намъ представляется хотя болѣе сложной и цорой даже безпокойной, но жизнью объединен-

ной приходской общины на пользу общаго вѣсьмъ церковнаго дѣла. На сколько жизнь этой общины будетъ отвѣчать религіознонравственному идеалу, это, повторяю, будетъ зависеть отъ руководителя приход. общины—священника, съ которой послѣдній будетъ тѣсно связанъ. Въ ней пастырь найдетъ поддержку и содѣйствіе въ своей дѣятельности, но та же прих. община, по разуму своему, можетъ и осудить и отвергнуть пастыря, если найдетъ, его недостойнымъ.

Но, только въ объединенной со своимъ пастыремъ приходской общинѣ можетъ создаться настоящая церковноприходская жизнь, которая соединитъ прихожанъ одной вѣрой, одними обычаями и преданіями, одними приходскими интересами. Этимъ объединеніемъ въ приходѣ и можетъ создаться та невидимая, но крѣпкая духовная ограда, которая будетъ охранять своихъ вѣрныхъ отъ распутиій и облазна.

Свящ. Т. Теодоровичъ.

Памяти Высокопреосвященнаго Архіепископа Іеронима.

Нами получено отъ профессора Кіевской Духовной Академіи Василя Ильича Экземплярскаго—сына покойнаго Архіепископа Іеронима—ниже приводимое письмо, въ которомъ отъ лицъ близкихъ къ Почившему, сыновей его выражается просьба сдѣлать относительно помѣщенной въ № 47 и 48 нашей статьи: „Жизнь, кончина и погребеніе Высокопреосвященнаго Архіепископа Іеронима“, слѣдующее дополненіе и исправленіе.

„Бюллетень врачей достаточно ясно говоритъ, чѣмъ былъ боленъ Усопшій и какъ протекала его болѣзнь. Но этотъ бюллетень не касается, конечно внутренняго настроенія Больного, которое именно и было причиною того, что Его кончину можно назвать истинно христіанскою.

Уже 26-го октября докторомъ былъ предписанъ Больному полный покой въ постели. Больной во всемъ подчинялся докторскимъ предписаніямъ, кромѣ одного: онъ не могъ не молиться по обычаю своему предъ образами. Много разъ во время своей болѣзни онъ, не будучи въ силахъ лично подняться, требовалъ поднять его, подвести къ кіоту съ образами, и подолгу молился предъ нимъ съ горячимъ чувствомъ за свою паству и близкихъ, благословляя своихъ пасомыхъ на разныя стороны. Даже и въ то время, когда силы совсѣмъ оставляли Больного, онъ потребовалъ ночью посадить его на постели и долго благословлялъ, сидя такъ. Наконецъ, не будучи уже въ силахъ и сидѣть, онъ лежа продолжалъ благословлять свою, оставляемую имъ паству, и съ

этимъ благословеніемъ заснулъ до будущаго, общаго со своими духовными дѣтьми, пробужденія: послѣдніе трое сутокъ Больной почти не просыпался и оставался безъ движенія. Кончина его была истинно христіанская, безболѣзненная, непостыдная, мирная; Онъ принялъ въ своей жизни полноту таинствъ церкви и отдалъ служенію ей всѣ свои силы до послѣдняго вздоха.

„Мы говоримъ объ этомъ потому, что убѣждены, что духовенству Епархіи и всѣмъ духовнымъ дѣтямъ Усопшаго дорого узнать, что Архипастырѣ не забывалъ ихъ до послѣдняго мгновенія своей земной жизни и отошелъ въ жизнь вѣчную какъ истинный пастырѣ стада Христова: съ молитвою за паству на устахъ, съ благословеніемъ ея отъ полноты своей любви и съ истинно христіанскимъ завѣтомъ ей: „съ надеждою и вѣрою въ чудеса Господа І. Христа молитесь денно и ноцно“—это былъ послѣдній завѣтъ Почившаго окружающимъ его.

„За симъ считаемъ долгомъ указать на нѣкоторыя изъ неточностей статьи. Такъ, преподавателемъ семинаріи въ Кіевѣ Усопшій состоялъ въ теченіе не 20 лѣтъ, а только 9, послѣ чего въ 1871 году онъ оставилъ службу въ семинаріи, опредѣлившись настоятелемъ церкви коллегіи Павла Галагана. Далѣе, нашъ отецъ овдовѣлъ не въ 1885 г., какъ сказано въ означенной статьѣ „Вѣстника“, а въ 1876 г. Много ранѣе 1885 г. было предлагаемо Усопшему принять монашество, но онъ не рѣшился на этотъ шагъ до 1885 г., когда Его младшій сынъ поступилъ въ учебное заведеніе. Наконецъ, назначеніе Почившаго на Тамбовскую кафедру состоялось не въ январѣ, а въ іюль 1890 г.“

Мы весьма благодарны г. В. И. Экземплярскому за доставленную намъ возможность исправить допущенныя нами неточности въ нашей статьѣ: „Жизнь, кончина и погребеніе Высокопреосвященнаго Архiepiscopa Иеронима“. Эта статья—некрологъ—написана нами на скоро,—при видѣ свѣжей могилы Архипастырѣ. Мы слышали, что почитателями покойнаго, лицами Ему близкими, будетъ издана особая книга, которая о нашемъ въ Бозѣ почившемъ Архипастырѣ, бывшемъ для насъ въ полномъ смыслѣ Милостивѣйшимъ Архипастырѣмъ и Отцомъ, дастъ намъ подробныя и точныя свѣдѣнія; она въ полнотѣ сообщитъ намъ объ его жизни, дѣятельности и объ его кончинѣ. По всей вѣроятности въ эту книгу войдутъ всѣ его слова, поученія и посланія, а также многія изъ его резолюцій по дѣламъ епархіяльнымъ. Думаемъ, что этотъ слухъ справедливъ,—и намъ остается только желать, чтобы эта книга явилась въ возможной скорости, какъ самый драгоценный вѣнокъ на Его еще свѣжую могилу.

Будда или Христосъ?

Въ одной нѣмецкой газетѣ, по поводу пораженія японцами русскаго флота въ Корейскомъ проливѣ, сказано, что Будда побѣдилъ Христа.

Такъ-ли это?

Конечно, нѣтъ. И прежде всего—развѣ можно сказать, буддизмъ лежитъ въ основѣ той культуры, которою Японія поражала нашу „убогую и обильную, могучую и безсильную матушку — Русь“? Нѣтъ, это—та культура, которая выработана западной Европой, и если съ этой стороны мы можемъ извлечь для себя какой-либо урокъ, такъ этотъ тотъ, что нельзя намъ пренебрежительно относиться къ культурной работѣ западной Европы. Два вѣка мы у нея учимся, надо сознаться, плохо: много мы у ней переняли такого, чего лучше не перенимать (вольтерьянство, нищезанство), но въ усвоеніи дѣйствительно дѣльныхъ приобрѣтеній западно-европейской культуры плетемся черепашьимъ шагомъ. Нѣтъ спора, культуру образуешь не ариѣметика только, а прежде и главнѣе всего—богатство духовнаго опыта, находящее свое выраженіе въ вѣрѣ, искусствѣ, народныхъ пѣсняхъ, народной архитектурѣ живописи (см. ст. В. В. Розанова „Американизмъ и американцы“ въ „Нов. Пути“ за 1904 г., кн. II, стр. 267), но вѣдь и безъ ариѣметики обойтись невозможно...

Однако для насъ важнѣе другая сторона дѣла. Если японцы поражали насъ не силою Будды, а силою своего патріотическаго воодушевленія, орудуя испитанными средствами западно-европейской культуры, то можно-ли, съ другой стороны, сказать, что мы, русскіе, въ борьбѣ съ Японіей являемся выразителями и представителями христіанскаго міросозерцанія и что, слѣдовательно, въ нашѣмъ лицѣ это міросозерцаніе терпитъ поражение? Нѣтъ и нѣтъ! Да сохранить насъ Богъ отъ такого богохульства! Только въ томъ случаѣ можно бы прийти къ такому выводу, если бы торжественно-свѣтлая крещальная пѣснь „Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь“ имѣла къ намъ полное приложеніе, если бы Христосъ, родившійся въ Палестинѣ, дѣйствительно жилъ въ Россіи; но дерзнемъ ли мы утверждать это!? Нѣтъ, ограничимся признаніемъ того, что Христосъ еще не покинулъ нашей родины: въ нашихъ храмахъ еще не затихли вздохи, еще не изсякли слезы, которыми сопровождается искони теніе евангельскихъ повѣствованій о страданіяхъ Спасителя; а въ селахъ и въ городахъ еще творится милостыня Христа ради; въ нашей литературѣ еще живетъ тотъ духъ истинно-христіанской гуманности, который, начиная съ Пушкина, составляетъ ея самую цѣнную особенность. Да, Христосъ еще не покинулъ нашей дорогой родины, и на этомъ покоится наша вѣра въ то, что на-

ша многострадавшая Русь не умретъ, но жива будетъ... Однако проявленія духа Христова, разсѣяныя по широкому лицу русской земли, скрытыя въ тиши одинокаго подвига, сравнительно мало и слабо даютъ о себѣ знать въ различныхъ формахъ нашей общественной жизни, будь то государство или даже Церковь. Государственная жизнь сложилась у насъ такъ, что у насъ скорѣе встрѣтять себѣ поддержку привилегіи богатыхъ и знатныхъ, нежели насущныя нужды обездоленныхъ въ правомъ и экономическомъ отношеніи, а наша Церковь „задремала подъ сѣнью казенной опеки“ (слава Богу! она уже пробуждается)—это ли страна, облеченная во Христа? Нѣтъ, облеченіе во Христа пока еще не фактъ, а неотложная задача нашей жизни, а если такъ, то можно ли сказать, что японцы побѣдили.. Христа!? Нѣтъ, Будда не побѣдилъ Христа, потому что и борьбы Будды со Христомъ въ данномъ случаѣ не было. И не побѣдитъ Будда Христа во вѣки вѣковъ, потому, что—вѣримъ и исповѣдуемъ, и въ этой вѣрѣ—жизнь наша,—подобаетъ Христу царствовать, дондеже положить вся враги подъ ногама Своима“ (1 Кор. 15, 25). Но что мы разбиты японцами, и что ради насъ имя Божіе хулится во языцѣхъ,—это, сознаемся, правда, и надъ этой горькой правдой намъ нужно крѣпко и серьезно подумать...

(Ц. В.)

Гр. Л. Толстой при кончинѣ родного брата.

Отрадный фантъ церковно-общественной жизни.

Въ виду интереса, который возбуждается обстоятельствомъ кончины графа Сергія Николаевича Толстого, и неоднократныхъ запросовъ по сему дѣлу лицъ, очевидно, не любопытствующихъ только, а ищущихъ въ этомъ фактѣ чего то другого, считаю нужнымъ, для освѣщенія факта, кажется, небезсодержательнаго, довести до всеобщаго свѣдѣнія слѣдующее.

23 августа 1904 года мирно скончался, на 77-мъ году отъ рожденія, графъ Сергій Николаевичъ Толстой, безвыѣздно проживавшій въ своемъ имѣніи, при селѣ Пироговъ-Саповѣ, Крапивенскаго уѣзда.

Покойный, весьма добрый по душѣ человекъ, находился подъ влияніемъ брата своего — Льва Н. Толстого. Не смѣю сказать, чтобы онъ былъ вполне солидаренъ съ братомъ, но изъ частныхъ и частныхъ бесѣдъ съ нимъ я могъ видѣть, что въ немъ, кромѣ индеферентизма въ дѣлахъ вѣры, свойственнаго въ особенности современному высшему обществу, есть нѣчто навѣянное братомъ Львомъ. Заключение мое на этотъ счетъ подтверждается отчасти его воззрѣніями на разные предметы, а главное, — слишкомъ нагляднымъ отчужде-

ніемъ его отъ церкви. Тридцать лѣтъ онъ не былъ у исповѣди и св. Причастія, столько же, вѣроятно, никто не видалъ его и въ храмѣ (исключеніе: принятіе присяги на вѣрнопопданничество заставило его посѣтить храмъ), а въ послѣдніе восемь лѣтъ не присутствовалъ даже и на домашнихъ молебствіяхъ, совершаемыхъ въ годовые и храмовые праздники. Пользуясь, почему то, расположеніемъ его, я, въ качествѣ собесѣдника, нерѣдко являлся къ нему.

Обыкновенный разговоръ объ урожаѣ, хозяйствѣ, и пр. какъ то самъ собою переходилъ въ бесѣду болѣе серьезнаго содержанія. Текущія событія, современная литература и пр. такъ или иначе были предметомъ нашей бесѣды; осторожно старался я касаться и вопросовъ вѣры.

Вѣжливо уклоняясь отъ этой темы разговора вначалѣ, онъ современемъ, естественно, сталъ, такъ сказать, втягиваться въ подобный разговоръ — привыкать къ нему. Кажущаяся безрезультатность первыхъ моихъ посѣщеній не смущала меня, и я продолжалъ ихъ. Находясь уже въ серьезно-болѣзненномъ состояніи, онъ самъ присылаетъ за мною для бесѣды. Трехчасовая бесѣда пришла къ вопросу о смерти.

Въ послѣднее время покойный мучимъ былъ страхомъ смерти, „Все живое боится смерти“—законъ естественный; естественна поэтому боязнь и ваша, графъ, какъ живого существа. А какъ существа разумнаго, получившаго отъ Творца особое назначеніе, боязнь эта должна усугубляться—въ виду того, что, и помимо яснаго ученія церкви — „надлежитъ человѣку единому умереть, потомъ же судъ“—въ насъ самихъ живетъ врожденная увѣренность, что смерть не есть уничтоженіе, совершенное прекращеніе нашего бытія — это доказываетъ уже самый страхъ смерти,—а лишь прекращеніе бытія земнаго, переходъ къ жизни новой — духовной, приготовленіемъ къ которой и служить наша настоящая земная жизнь.

Здѣсь—дѣланіе, тамъ—воздаяніе, здѣсь—сѣяніе, тамъ—жатва. Добрѣ ли трудились мы здѣсь, въ „юдоли плача“, чтобы тамъ, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе“, получить воздаяніе благое? Добрѣ-ли посѣяли мы, чтобы пожать „плоды добры“?—вотъ какіе вопросы должны являться у насъ при мысли о смерти.

„Смерть грѣшниковъ люта“, а св. Апостоль, считая брѣнное тѣло оковами для души, желаніе имѣлъ скорѣе *разрѣшиться и со Христомъ быти.*

Вотъ откуда и различіе въ предсмертныхъ состояніяхъ людей. О, если бы мы могли вмѣстѣ съ Апостоломъ сказать: „*подвигомъ добрымъ подвижася, теченіе скончахъ, впру соблюдохъ, прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ мнѣ Господь въ день онъ, Праведный Судія*“...—Тогда бы не было въ насъ и тѣни страха.

Если же мы, по тщательномъ само-испытаніи, найдемъ себя далеко не готовыми предстать предъ Судією, то и опять не мѣсто страху и унынію тамъ, гдѣ Тѣмъ же Судією подсудимому даны все средства къ оправданію—тѣ спасительныя Таинства, въ которыхъ человѣкъ чрезъ сердечное и сокрушенное покаяніе во грѣхахъ своихъ, припирается своею совѣстью съ Богомъ, а чрезъ приобщеніе Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ, тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ Нимъ. Не бояться, а христіански готовиться необходимо каждому вѣрующему. „Тургеневское чудовище и бездна зіяющая“ (смерть, страшны только человѣку безъ вѣры. „Да не смущается сердце Ваше, графъ“, заключилъ я.

Довольный тѣмъ, что собесѣдникъ не соглашается только съ нимъ, а, гдѣ нужно, высказываетъ свое мнѣніе и противорѣчіе, а въ вопросахъ вѣры приводить ученіе церкви, противорѣчащее современному духу общества, графъ просилъ меня навѣщать его, когда мнѣ будетъ угодно и удобно. Болѣзнь его, однако, достигаетъ послѣдняго періода, когда ему не могъ угодить никто изъ семейныхъ.

Рискуя разрушить созданное, не являясь къ нему лично, я дѣйствовалъ чрезъ жену и сестру его—истыхъ христіанокъ. Последняя, сильная вѣрою и волею, сослужила не малую услугу въ этомъ дѣлѣ. Видя постепенное ухудшеніе въ состояніи больного, она постоянно напоминала ему о христіанскомъ приготовленіи къ смерти. Покойный, видимо, и самъ желалъ бы этого, но что-то такое тяготило его.

Безошибочно можно сказать, что ложный стыдъ предъ братомъ, боязнь насмѣшекъ съ его стороны, упрековъ, такъ сказать, въ измѣнѣ ему — мѣшали ему принять окончательное рѣшеніе. Это и подтверждается слѣдующимъ: когда я пришелъ къ нему и спросилъ его:

„Ну, что же, графъ, рѣшили?“ — „Да, батюшка, рѣшилъ. И знаете ли что? Братъ одобрилъ мое намѣреніе“, съ дѣтской радостью заявилъ больной. „Что же? очень хорошо сдѣлаешь“, сказалъ Левъ.

Наконецъ, призываюсь я уже въ качествѣ духовника.

Нужно знать нервный, переменчивый характеръ графа вообще, а въ болѣзненномъ состояніи въ особенности, чтобы понять состояніе мое и всѣхъ, желавшихъ его обращенія.

Замѣчательна подготовка графа къ таинству. По словамъ его, важность таинства не позволяла ему приступить къ нему въ его кабинетѣ, лежа на койкѣ. Парадно одѣтый, почти уже недвижимый, онъ былъ выведенъ въ залъ и посаженъ въ кресло. Тогда къ нему былъ приглашенъ и я. Считаю нужнымъ предварительно сказать нѣсколько словъ, я началъ съ обычнаго вопроса о его здоровьѣ. На благодарность его за мой приходъ я отвѣтилъ, что я испол-

няю свой долгъ, въ данномъ случаѣ весьма и весьма приятный.

—„Не поздно ли покаяніе?“ спрашиваетъ графъ.

—„Разбойникъ, вися на крестѣ, въ предсмертной агоніи, спискалъ себѣ рай исповѣданіемъ Распятаго“, отвѣтилъ я ему. Тогда было приступлено къ таинству покаянія.

Покаяніе его было настолько чистосердечно и сокрушенно, что остается только пожелать прежде всего себѣ, а потомъ и всякому христіанину такового.

Это—не формальность, не вынужденное исполненіе обязательнаго долга, — нѣтъ, это предсмертный сокрушенный вопль души кающагося грѣшника.

Въ частной, послѣ исповѣди, бесѣдѣ графъ все старался убѣдить меня, что онъ вѣруетъ во Христа, *какъ въ Бога*, неоднократно повторяя это.

Развѣ это не исповѣдь? Развѣ это не открытое исповѣданіе главнѣйшихъ догматовъ нашей вѣры? —„Вѣрую, батюшка, во все вѣрую: и въ Бога и во Христа, и въ церковь, и таинства, но чувствую, что слаба моя вѣра“.

—„Тогда, графъ, чаще сокрушенно твердите извѣстную Евангельскую краткую молитву: „вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію“, сказалъ я ему и, по просьбѣ его, указалъ это мѣсто въ Евангеліи.

Время было приступить къ другому, важнѣйшему Таинству.

—„Батюшка! боюсь, боюсь“, твердилъ покойный, страшась своего долгаго отчужденія отъ церкви.

—„Не вы только, графъ, но и мы все — недостойные, но постоянные совершители великихъ Таинствъ — непрестанно должны приступать къ нимъ „со страхомъ Божиимъ и вѣрою“: со страхомъ — за свое недостойство и ничтожество предъ величіемъ Божиимъ и вѣрою въ Его неизреченное милосердіе! — „Бойся по грѣхамъ, дерзай по вѣрѣ. Бойся Бога Правосуднаго, надѣйся на Бога Всеблагото“.

Нѣсколько успокоенный больной просить приступить къ Таинству.

На указанную имъ трудность и почти невозможность физическую (омертвѣніе половины рта и суженіе пищевода) принять запасные св. Дары я обратилъ особенное вниманіе и думалъ было отложить это дѣло до слѣдующаго дня (Воскресенье), когда я могъ бы, послѣ литургіи, придти къ нему со Св. Чашею. Но, боясь упустить время, со всякимъ опасеніемъ, принявъ все мѣры предосторожности, а главное, надѣясь на милость Божию, со страхомъ приступилъ я къ Таинству, и, чудо милосердія Божія.— Наканунѣ не могшій проглотить и половины чайной ложки воды, графъ свободно принялъ Св. Тайны. — „Прошло, прошло“, въ какомъ то экстазѣ твердилъ покойный; попросилъ, затѣмъ, теплоты и по немногу въ продолженіе полудня выпилъ ея около полустакана.

—„Какъ же батюшка, вчера то я не могъ про-

глотить и нѣсколько капель воды, а потому и думаль, что все уже кончено?...

— „Судите сами, графъ, а мое объясненіе таково: Господь Самъ идетъ къ намъ навстрѣчу, Самъ стучитъ въ двери нашего сердца, лишь бы упорно не уклонялись съ этого встрѣчнаго пути, упорно и наглухо не запирали дверей нашего сердца”.

— „Слава Богу, слава Богу!”—твердилъ умирающій уже косиѣющимъ языкомъ, истово крестясь уже плохо владѣющей рукой.

Неописуема была радость всѣхъ, такъ трепетно ожидавшихъ желаемаго исхода.

Мрачное, гнетущее состояніе смѣнилось торжественно-радостнымъ, праздничнымъ: всѣ, не исключая многоштатной прислуги, понимали важность совершившагося.

Необъяснимо только было состояніе близкаго къ покойному человѣка — брата, Льва Николаевича.

Послѣдній, по словамъ сестры его, М. Н., когда она поблагодарила его за одобреніе намѣренія покойнаго и поздравила теперь уже съ исполненіемъ его, разрыдался и поспѣшилъ удалиться въ другую комнату. Что значить сіи рыданія? Оплакивалъ ли онъ измѣнника брата, теперь безвозвратно погибшаго для него, или, можетъ быть, въ тайникахъ души его самого заговорило что то другое? Это—тайна его.

Придя на другой день, послѣ Литургіи, провѣдать больного, я нашелъ его уже лишеннымъ языка и сознанія, а на слѣдующій день извѣщенъ былъ о кончинѣ его.

Христіански скончавшійся, христіански и торжественно погребенъ былъ. Левъ Николаевичъ самолично участвовалъ въ похоронной процессіи, неся прахъ покойнаго до церкви, откуда удалился немедленно, поставивъ гробъ на приготовленное мѣсто.

По покойному совершались ежедневныя, въ теченіи сорока дней, заупокойныя литургіи.

И вотъ, теперь всякій прохожій и проѣзжій мимо кладбища, усѣяннаго крестами, можетъ видѣть и выдающійся по внѣшности своей намогильный крестъ съ надписью: „Графъ Сергѣй Николаевичъ Толстой. Скончался 23 августа 1904 года”.

Сколько мыслей должно явиться при этомъ у cadaго вѣрующаго человѣка. Не приведетъ-ли Господь мнѣ увидать подобный крестъ съ надписью: „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой?” такъ естественно долженъ думать всякій, молясь объ обращеніи заблудшаго.

Буди милость Твоя, Господи, на насъ, якоже уповаемъ на Тя!—

Крапив. у. села Широкова-Сапова свящ. *Теодоръ Глаголевъ.*
(*Тулск. Еп. Вѣд.*)

Пастырь церкви по ученію св. Иоанна Златоуста.

Проповѣдываніе слова Божія Златоустъ поставляетъ первѣйшею обязанностью пастыря, хотя сія обязанность есть и самая трудная. Ибо „человѣка нельзя ни силою влечь, ни страхомъ принуждать; но должно убѣжденіемъ возвращать его на истинный путь, съ котораго онъ уклонится¹⁾ „Для сего пастырю необходима большая, многообразная мудрость и благоразумная опытность, которыя приобрѣтаются участіемъ. „Священникъ обязанъ употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы приобрѣсти силу слова²⁾”. „Сила слова не дается природою, но приобрѣтается образованіемъ³⁾”. „Учитель долженъ, такъ сказать, каждодневно сѣять, чтобы слово ученія по крайней мѣрѣ по самой непрерывности могло удержаться въ слушателяхъ⁴⁾”. Такъ какъ среди слушателей бываютъ люди различныхъ званій, различныхъ нравовъ, ложныхъ мнѣній и превратныхъ ученій, то отъ пастыря требуется великая осторожность въ раздаяніи слова Божія. Маловѣрующему нужно одно ученіе, вѣрующему другое, здравому, совершенному иное, немощному, несовершенному другое. Слово пастыря всѣ слушаютъ, ему внимаютъ, его критикуютъ, его воспринимаютъ, ему слѣдуютъ, а потому проповѣднику необходимо быть разумнымъ и мудрымъ руководителемъ своего слова, быть остро-зрительнымъ во всемъ. Онъ долженъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ пасомыхъ, какъ-то: нравственнымъ, умственнымъ и эстетическимъ. Слово его должно поучать и вносить въ земную жизнь, жизнь небесную, служить во благо, на пользу душевную; оно должно служить просвѣщенію cadaго, а не затемнѣнію, не заблужденіямъ, не потворству ко злу, лжи и лести ради какой либо личной выгоды. Для того, чтобы слово провозвѣстника Христова благотворно воспринималось сердцами пасомыхъ и приносило плоды царствія небеснаго, необходимо подтверждать проповѣдуемое участіе благочестивою жизнью. Вѣдь „главнѣйшая цѣль ученія та, чтобы и дѣлами и словами привести поучаемыхъ къ той блаженной жизни, которую предписалъ Христосъ⁵⁾”. Какъ истинный ратоборецъ праваго ученія, душу свою полагающій за овцы своя, пастырь долженъ быть всегда на стражѣ церковной; онъ бдительный стражъ двора Господня. Онъ никогда не долженъ смущаться и падать духомъ, если встрѣчаетъ злокозненныя преграды Христову ученію. Пусть превратный міръ издѣвается, смѣется надъ нимъ, пусть всячески ненавидитъ и гонитъ, но онъ долженъ высоко держать никогда непобѣдимое, а всегда побѣдоносное знамя Христово и неусыпно слѣдовать по

¹⁾ Бесѣды Иоанна Златоуста 27 с. ²⁾ Ibidem, 96 с; ³⁾ Ibidem, 109 с. ⁴⁾ Ibidem, 121 с. ⁵⁾ 102 с.

торному, хотя и терпимому пути, который проложенъ самимъ основателемъ Божественной религіи Господомъ Иисусомъ Христомъ. Въ борьбѣ съ противниками вѣры Христовой онъ долженъ всецѣло пожертвовать самимъ собою, душу свою положить за овцы своя. Въ противномъ же случаѣ, предавшись дремотѣ и безпечности, онъ и паству свою отдастъ хищнымъ волкамъ, рыскающимъ по распутіямъ злыхъ ученій, погубить на вѣчно свою душу и души ввѣренныхъ ему овецъ. Посему-то пастырское званіе посколькы высоко, важно, премірно, недосягаемо, небесно, божественно, постолькы оно и скользко, тернисто, отвѣтственно, опасно и даже страшно. „Величайшее наказаніе заслужать тѣ, которые, достигнувъ этой власти собственнымъ усиленіемъ.—или по нерадѣнію, или по испорченности нравовъ, или по неопытности, худо исправляютъ свою обязанность¹⁾“. Кому ввѣрены люди — разумное стадо Христово, тотъ за гибель такихъ овецъ наноситъ ущербъ не имѣнію своему, а душѣ своей²⁾“.

По свидѣтельству св. Исидора Пелусіота, Златоустъ „такъ умно написалъ эту книгу (о священствѣ), что какъ благоговѣйные, такъ и невнимательные священники найдутъ въ ней и наставленіе въ подвигахъ и обличеніе въ ошибкахъ³⁾“.

Студентъ Кіевской Духовн. Акад. Геродиаконъ
Веніаминъ.

МУЗЫКА ВЪ ПРИРОДѢ.

Джона Раубосема, перев. съ англійскаго.

Колебаніе воздуха порождаетъ звуковыя волны и въ природѣ въ дѣйствительности звучитъ все: и огонь, и вода, и земля, и самый воздухъ, создавая своеобразную музыку. Мы не слышимъ ее, потому что слухъ нашъ грубъ и еще потому, что мы не умѣемъ и не хотимъ внимательно наблюдать окружающее насъ. А между тѣмъ, какъ интересна хотя бы только эта музыка!

И мнѣ хочется сдѣлать маленькую экскурсію въ эту область и познакомить всѣхъ съ мелодичнымъ пѣніемъ, свистомъ, громомъ и трелями, издаваемыми древними четырьмя стихіями: огнемъ, водою, воздухомъ и землей.

Музыка огня. Огонь, несомѣнно, занимаетъ послѣднее мѣсто среди четырехъ стихій природы, издающихъ музыкальные звуки, хотя мы чаще всего слышимъ его пѣніе. Огненная, разрушительная стихія кажется намъ совсѣмъ неспособной къ мелодіямъ и звукамъ, а между тѣмъ огонь можетъ давать цѣлыя гаммы разнообразныхъ тоновъ. Возь-

мите зажженную свѣчу и попробуйте дуть на ее пламя. Вы услышите особый, странный, какъ бы поющій звукъ — первые ноты музыки огня.

Продолжимъ опытъ и въ пламя бунзеновской горѣлки станемъ дуть черезъ паяльную трубку, тогда мы услышимъ и ревъ, и свистъ, и жалобныя ноты. Свистъ огня на пожарѣ, ревъ пламени, это не фразы, а дѣйствительность, которую могли наблюдать всѣ бывшіе когда либо на большомъ пожарѣ. Но огнемъ можно извлекать и цѣлыя мелодіи. Возьмите газовую горѣлку съ 28 отверстиями и помѣстите надъ ней стеклянную трубку около 5 фут. въ длину и 2½ дюймовъ въ діаметрѣ; и вы услышите ясныя музыкальныя ноты. Пламя будетъ пѣть! Иначе нельзя выразить словами эти звуки. Все сверкающее пространство огня будетъ пропитано этими музыкальными звуками, серебряныя ноты котораго будутъ нѣжно звенѣть въ воздухѣ. Укорачивая или удлиняя трубку, можно извлечь любыя ноты и составить музыкальную мелодію.

Профессоръ Уэтстонъ, занявшись этимъ изслѣдованіемъ, построилъ настоящій органъ, звучащій необыкновенно красиво. Пламя вообще очень чувствительно къ звукамъ и отзывается тотчасъ на каждый. Причина этого, понятно, заключается въ колебаніи воздуха.

Производятъ, напр., такіе опыты съ обыкновенной бунзеновскій горѣлкой, пламя которой поднимаютъ до 24 дюймовъ. Подлѣ нея потрясаютъ связкой ключей, и около пламени тотчасъ раздается громкій звукъ, похожій на звонъ ключей. Комкаютъ маленькій кусочекъ бумаги и пламя дрожитъ и трясется, какъ осиновый листъ. Держать часы около пламени и при каждомъ тиканьи ихъ, пламя вздрагиваетъ. Бросаютъ на столъ монету и звукъ падеши вызываетъ непремѣнно сотрясеніе пламени.

Музыка воздуха. Музыку воздуха слышать гораздо легче. Вой вѣтра и свистъ урагана извѣстны всякому. Пушкинъ передалъ *музыку метели* въ одномъ изъ стихотвореній:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжныя крутя,
То какъ звѣрь она завоеетъ,
То заплачетъ какъ дитя...

Малайцы пораженные безыскусственной мелодіей воздуха, придумали нѣчто вродѣ нашей „Эоловой арфы“.

Выбравъ заросль молодыхъ бамбуковъ, они про-сверливаютъ отверстія на бамбукѣ, съ подвѣтренной стороны, такимъ образомъ, чтобы вѣтеръ могъ свободно проникать въ эти отверстія. Когда начинается вѣтеръ, въ заросли звучитъ удивительно красивая мелодія, разнообразная до безконечности, и въ тоже время наводящая ужасъ.

Наша „Эолова арфа“, которая издаетъ въ тишинѣ нѣжныя звуки, является типичнымъ образцомъ

¹⁾ Ibidem, 84 с. ²⁾ Ibidem, 22 с.

³⁾ Тв. Св. Исидора П. 1р. 156 письмо.

музыки вѣтра. Музыка вѣтра, если мы прислушаемся къ ея торжественной мелодіи, звучитъ величественнѣе и внушительнѣе всякихъ оркестровъ, и особенно дѣйствуетъ на наши нервы, когда раздается въ тишинѣ ночи. Кому невѣдомы протяжныя завыванія осенняго вѣтра въ трубѣ?

Вой вѣтра обыкновенно начинается нотой *си-бемоль*, возрастаетъ до *ми*, снова падаетъ постепенно до *си-бемоль* и до *фа*. Въ интервалахъ, вѣтеръ исполняетъ цѣлыя діатоническую и хроматическую гаммы. Эффектъ получается тотъ же еслибы эта ночная гамма исполнялась на скрипкѣ. Такую же своеобразную музыку воздуха мы слышимъ въ звукахъ грома, который является сильнѣйшимъ басомъ природы: такихъ низкихъ нотъ не можетъ взять ни одинъ изъ нашихъ инструментовъ.

Громъ является лучшей иллюстраціей музыкальной басовой гаммы. Послѣ перваго удара мы слышимъ постоянные раскаты, медленно замирающіе вдали...

Музыка земли. На первый взглядъ эта фраза звучитъ слишкомъ странно. Какую мелодію можно подслушать у земли? Между тѣмъ, земля производитъ и производила въ различныхъ частяхъ свѣта нѣжные музыкальные звуки.

Возьмите фарфоровую чашку, ударьте по ней слегка и прислушайтесь къ ея нѣжному звуку. Развѣ это не музыка земли.

Въ странѣ, которая славится своимъ фарфоромъ и глиняной посудой, земля считается лучшимъ матеріаломъ для музыкальных инструментовъ. На этомъ основана вся музыкальная школа Китая и „музыка земли“ считается однимъ изъ главныхъ 8 подраздѣлений этой системы.

—Какимъ образомъ можно получить музыку земли?—спрашиваютъ китайскіе теоретики. —Какъ можно извлечь изъ земли дивную гармонию звуковъ, столь плѣнительную для дѣвственнаго слуха и похожую на сладкозвучный голосъ соловья?

—Эту музыку можно извлечь изъ земли,—слѣдуетъ отвѣтъ,—вымывъ землю въ нѣсколькихъ водахъ, очистить божественный элементъ земли отъ всего нечистаго, что Злой Духъ примѣшалъ къ ней...

Оставивъ въ сторонѣ поэтическія китайскія гиперболы, скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ инструментѣ музыки земли и его изготовленіи.

Берется извѣстное количество земли, промывается въ нѣсколькихъ водахъ и замѣшивается въ жидкую грязь.

Затѣмъ берутъ два яйца: гусиное и куриное; ихъ намазываютъ густымъ и плотнымъ слоемъ грязи, которая потомъ твердѣетъ на нихъ. Когда зем-

ля достаточно затвердѣла, въ ней продѣлываютъ отверстие и, разломавъ птичье яйцо, очищаютъ внутренность изготовленной формы.

Затѣмъ къ сдѣланному отверстию приспособляютъ дудочку, а въ самой формѣ дѣлаютъ еще нѣсколько отверстій, три—вперед, а два—позади. Получается вродѣ нашей окарины, и китайцы великолѣпно играютъ на такихъ инструментахъ, извлекая гармоничные звуки земли. Существуетъ еще болѣе примитивный способъ для получения „музыки земли“.

Изъ фарфоровой глины изготовляютъ нѣчто вродѣ барабановъ и бьютъ по нимъ особыми палочками, извлекая очень нѣжные звуки.

Согласно китайской теоріи, можно слышать „музыку земли“, колотя по ней чѣмъ-нибудь. Но самой любимой мелодіей китайцевъ является мелодія музыкальных камней; для этой цѣли они устриваютъ большіе органы, съ особыми приспособленіями. Звуки музыкальных камней — это самыя блестящія и красивыя мелодіи въ природѣ.

Слушая такой органъ, нѣжно поющій подъ ударами искуснаго китайскаго музыканта, наслаждаешься дивной музыкой, рѣдкой красоты и гармоніи, далеко оставляющей за собою все лучшіе инструменты Западной Европы.

Остается *музыка воды*. Все ее знаютъ. Поэты воспѣвали и воспѣваютъ: и шепотъ ручья, и шорохъ волны о прибрежный камышъ, и рокотъ моря. Кто слышалъ въ ночной тишинѣ шумъ водопада, тотъ никогда не забудетъ этой чарующей музыки. Шумъ осенняго дождя, монотонная капель—это все музыка воды. Древніе греки подслушали эту музыку и на основаніи ея изобрѣли особую игру. Для нея брали металлическій сосудъ, вродѣ таза или чашки, который подвѣшивался на цѣпяхъ или веревкахъ. Играющіе становились другъ за другомъ и съ нѣкотораго разстоянія вышлескивали въ сосудъ изъ своихъ чашъ воду. Ловко вышлеснутая, она падала всею массою и издавала полный звучный тонъ. Вышлеснутая неаккуратно, она дробилась и звукъ паденія терялся. Также какъ и духовой, возможно устройство и водяного органа. (*Природа и люди*).

Содержаніе: Отдѣлъ I. Епархіяльныя распоряженія и извѣстія. — Отъ Канцеляріи Архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго. — Отдѣлъ II. Къ вопросу объ оживленіи Церковной жизни въ приходахъ Привислинскаго края въ связи съ идеей о возрожденіи прихода по проекту А. Палкова (окончаніе). — Памяти Высокопреосвященнаго Архіепископа Іеронима. — Будда или Христосъ? — Гр. Л. Толстой при кончинѣ родного брата. — Пастырь церкви по ученію св. Іоанна Златоуста. — Музыка въ природѣ.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Печатать дозволяется. — Варшава, 1 декабря 1905 года. — Цензоръ, Каедральный Протоіерей П. Каллистовъ
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа Краковское Предмѣстье № 3.